

© Коллектив авторов, 2013
УДК 617(093)

Ю. Л. Шевченко¹, М. Н. Козовенко², С. И. Трихина¹

МАЛОИЗВЕСТНАЯ ПЕРЕПИСКА СЕМЬИ Н. И. и А. А. ПИРОГОВЫХ С Т. БИЛЬРОТОМ

¹ Национальный медико-хирургический центр им. Н. И. Пирогова (президент — академик РАМН Ю. Л. Шевченко), ² Первый Московский государственный медицинский университет им. И. М. Сеченова (ректор — чл.-кор. РАМН П. В. Глыбочко)

Большинство авторов ограничивают переписку Николая Ивановича Пирогова и Теодора Бильрота несколькими архивными источниками. Обычно к ним относятся надписи на двух фотографических портретах, подаренных ими друг другу, а также единственное письмо Н. И. Пирогова, адресованное Т. Бильроту 21 июня (3 июля) 1881 г. Сведения об этих источниках приводятся в работах А. Брежнева [6], И. А. Теличкина [8], G. Fischer [13], I. Fischer [14], H. Glaser [15] и др.

Подобный объем эпистолярного наследия не позволял называть его «перепиской» между великими хирургами или, в лучшем случае, придавал ей практически односторонний характер. До сих пор нигде не упоминалось о существовании обратной связи в виде писем Т. Бильрота, адресованных либо Н. И. Пирогову, либо его жене, Александре Антоновне Пироговой.

Впервые сообщение о малоизвестных письмах Т. Бильрота к Н. И. и А. А. Пироговым было опубликовано в нашей монографии «Музей Н. И. Пирогова» [11], но только через несколько лет (2012 г.) нам удалось осуществить их перевод с немецкого языка, выполненный С. И. Трихиной. При этом было установлено, что эти архивные документы, которые хранятся в фундаментальной библиотеке Военно-медицинской академии им. С. М. Кирова (Санкт-Петербург), не являются подлинниками, а представляют собой копии четырех писем Т. Бильрота, выполненные В. Н. Пироговым, младшим сыном видного хирурга, в 1903 г. с целью передачи копий в Хирургический музей Н. И. Пирогова, действовавший тогда в Санкт-Петербурге. Предполагается, что оригиналы этих писем могли быть вывезены В. Н. Пироговым из России во Францию (1913 г.), но их местонахождение до сих пор не установлено.

В процессе нашей работы над этими письмами Т. Бильрота в Вену (Австрия) была направлена С. И. Трихина (июнь 2010 г.), филолог-германист по образованию.

В столице Австрии она посетила несколько учреждений, имевших отношение к архивам, связанным с жизнью и деятельностью Т. Бильрота. Одним из них стал Венский музей истории медицины (Josephinum, Waeringerstrasse, 25). Здесь хранится несколько архивных документов, которые нас интересовали. Среди них — оригинальная фотография Н. И. Пирогова¹ с дарственной надписью, а также письмо Н. И. Пирогова Т. Бильроту от 21 июня (3 июля) 1881 г.² и посмертная фотография «первого хирурга России» с автографом А. А. Пироговой³.

Таким образом, переписка Н. И. Пирогова с Т. Бильротом началась в ноябре—декабре 1879 г., когда Н. И. Пирогов отослал венскому коллеге свою новую монографию «Военно-врачебное дело и частная помощь на театре войны в Болгарии и в тылу Действующей армии в 1877–1878 гг.» (Санкт-Петербург, 1879), получив благодарственный ответ от Т. Бильрота.

Письмо первое. Т. Бильрот (6 декабря по старому стилю или 18 декабря по новому стилю 1879 г.) — Н. И. Пирогову [1].

«Вена, 18–12.79.

Глубокоуважаемый коллега!

Я почитаю за великую награду, что Вы были так добры, прислав мне Ваш новый труд. И хотя я не могу прочитать его в подлиннике, всё же он будет постоянно напоминать мне о Вас. С самой искренней благодарностью

Преданный Вам

Т. Бильрот» [1].

¹ Размером 31, 5×24,8 см; портрет приклеен к картону размером 42×32 см, отчего дарственная надпись была выполнена Н. И. Пироговым на лицевой стороне портрета.

² Письмо написано на нескольких тетрадных листах в голубую линейку размером 13,2×21 см и помещено в конверт, подписанный Т. Бильротом (оригинальный конверт отсутствует).

³ Всё эпистолярное наследие Н. И. и А. А. Пироговых на немецком языке.

Сведения об авторах:

Шевченко Юрий Леонидович (e-mail: info@pirogov-center.ru), Трихина Светлана Игоревна (e-mail: trikhina@gmail.ru), Национальный медико-хирургический центр им. Н. И. Пирогова, 105203, Москва, ул. Нижняя Первомайская, 70;

Козовенко Михаил Никонович (e-mail: mnkozovenko@mail.ru),

Первый Московский государственный медицинский университет им. И. М. Сеченова, 119991, Москва, ул. Трубецкая, 8

Другая часть переписки Т. Бильрота с Н. И. и А. А. Пироговыми относится к 1881 г. и имеет непосредственное отношение к тяжёлой болезни «первого хирурга России», ставшей причиной его преждевременного ухода из жизни.

Сопоставление письма Н. И. Пирогова к Т. Бильроту от 21 июня (3 июля) [8] с малоизвестными письмами Т. Бильрота к Н. И. и А. А. Пироговым от 15 (27) июня [2], 28 июня (10 июля) [3] и 3 (15) августа [4] 1881 г. позволило восстановить последовательность и содержание этой переписки. Выведение части письма А. А. Пироговой к Т. Бильроту, адресованного венскому хирургу предположительно в декабре 1881 г., стало основанием для некоторых выводов, приведённых в заключительной части работы.

Напомним, что первая встреча Н. И. Пирогова с Т. Бильротом состоялась в Вене (Австро-Венгрия). Её подробности стали впервые известны в марте 1882 г., со слов киевского врача С. С. Шкляревского, сопровождавшего семью Пироговых от Москвы до Вены и обратно, до пироговского имения «Вишня», находившегося в окрестностях украинского города Винница. «Оставя Москву в среду, мы в воскресенье, в 4 часа дня были уже в Вене, — вспоминал Шкляревский. — Переговорами по телеграфу мы знали, что проф. Billroth в городе» [12].

Н. И. Пирогов приехал в Москву для участия в праздновании 50-летия своей научной и врачебной деятельности (по приглашению Императорского Московского университета, воспитанником которого он являлся). Это произошло 22 мая⁴ 1881 г., в день Николы летнего (в тот год это была пятница). Поэтому ближайшая среда, когда семья Пироговых могла выехать из Москвы в Вену, приходилась на 27 мая, а его приезд в столицу Австро-Венгрии состоялся 31 мая 1881 г. (в воскресенье).

Это подтверждается и сведениями из «Летописи жизни Н. И. Пирогова», автором которой являлся А. М. Геселевич [7, с. 84]. «31 мая [1881 г. — Ю. Ш.] Н. И. [Пирогов. — Ю. Ш.] прибыл в Вену на консультацию к проф. Бильроту и остановился в гостинице „Zum goldenen Lamm“», — сообщалось в ней.

О дальнейших подробностях венской встречи Н. И. Пирогова с Т. Бильротом лучше других свидетельствовал очевидец, доктор С. С. Шкляревский.

«Не успел Николай Иванович осмотреть занятый им номер, как позвал меня. Во всей его фигуре были выражены нетерпение и спешность до волнения. Дав мне свою визитную карточку, он просил немедленно ехать к Billroth'у и пригласить его быть в тот же день [выделено нами — Ю. Ш.]. Я не промедлил, конечно, ни минуты.

Billroth был дома и, видимо, поджидал. Расспросив меня о цели приезда в Вену Николая Ивановича и о том, что с ним, он внимательно выслушал переданную мною историю образования язв и решение хирургов в Москве⁵.

К 5 часам он был уже у Николая Ивановича и с первой же фразы оказал ему глубокое уважение; затем терпеливо, долго и покойно выслушивал подробный рассказ Николая Ивановича о начале и течении его болезни. Осмотр рта и язвочек, исследование пальцами и проч. проф. Billroth

производил при полнейшем содействии самого Николая Ивановича не менее 10 минут.

Можно себе вообразить, с какими чувствами ожидали сам Николай Иванович, жена его и я первых слов Billroth'a. Неожиданный восторг поразила всех нас, когда Billroth покойно, с полной уверенностью и категорически высказал, что о злокачественности язв не может быть и речи, что он не видит и не находит ни одного признака, позволяющего принять эти язвы за раковые, что он теперь же высказывается окончательно и вполне отрицает взгляд московских хирургов, и никакой операции решительно не находит нужным предпринимать.

Не только у Николая Ивановича, но и у жены его, и у меня по телу прошла какая-то нервная дрожь.

«Ну, если вы мне это говорите, — произнёс оживлённо Николай Иванович, взяв за руку Billroth'a, — то я успокаиваюсь»...

Он [Т. Бильрот. — Ю. Ш.] пробыл с Николаем Ивановичем весь остаток вечера; за чаем и стаканом рейнвейна оба они много говорили; Николай Иванович..., видимо, порадовал Billroth'a своею свежестью и памятью. Время шло для всех незамеченным» [12, с. 160].

Судя по рассказу С. С. Шкляревского, встречи Н. И. Пирогова с Т. Бильротом продолжались ежедневно во время его кратковременного пребывания в Вене.

Чтобы события тех дней стали понятнее, нужно обратить внимание на разные календари, которые использовались в конце XIX в. в России и Австро-Венгрии. Российская империя, к примеру, продолжала придерживаться юлианского календаря, или старого стиля летоисчисления, а Австро-Венгрия, как и некоторые другие страны Западной Европы, перешла к новому стилю, или к григорианскому календарю. Новый стиль, по которому живут сейчас все страны, опережал так называемый старый на 12 дней.

Это означало, что по российскому календарю семья Пироговых приехала в Вену 31 мая 1881 г., а в столице Австро-Венгрии этот день приходился на 12 июня.

«Billroth был у Николая Ивановича на другой день [1 (13) июня. — Ю. Ш.], снова осмотрел его и остался при своём прежнем мнении; затем на третий день [2 (14) июня. — Ю. Ш.] он обедал у Николая Ивановича...» [12, с. 160], — вспоминал киевский врач о других встречах Пирогова и Бильрота.

Третий день его пребывания в Вене стал днем расставания с Т. Бильротом, когда венский хирург «душевно простился с Николаем Ивановичем, успокоение которого было и для Billroth'a очевидным» [Там же].

На память об этих венских днях Т. Бильрот подарил Н. И. Пирогову свою фотографию с собственноручной дарственной надписью на обороте, которая стала свидетельством последней встречи двух великих хирургов: «Wien den 14. Juni 1881.⁶ Глубоко чтимому мастеру Николаю Пирогову. Правда и ясность в мыслях и чувствах, словах и делах подобны ступеням лестницы, ведущей людей к обители Бога. Следовать за Вами, в равной степени как смелым, так и уверенным вождем, на этом не всегда безопасном пути, было всегда моим самым ревностным стремлением. Ваш искренний почитатель и друг Т. Бильрот» [9, с. 18].

В ответ на этот дар Н. И. Пирогов, конечно же, обещал прислать своему новому другу Т. Бильроту собственный фотографический портрет.

⁶ Вена, 2 (14) июня 1881 г.

⁴ Здесь и далее, когда речь идет о воспоминаниях С. С. Шкляревского, исторические даты указаны по юлианскому календарю, или по так называемому старому стилю.

⁵ Имеется в виду решение врачебного консилиума, изложенное Н. И. Пирогову Н. В. Склифосовским 26 мая в Москве. Несколько видных отечественных хирургов настаивали на срочном проведении оперативного вмешательства по поводу злокачественного новообразования верхней челюсти.

Вечером 2 (14) июня 1881 г. семья Пироговых стала готовиться к отъезду в Россию, и эти поспешные сборы также нашли отражение в воспоминаниях С.С.Шкляревского.

«Торопливо все мы собирались и, как оказалось, неожиданно скоро оставили Вену... Дорогу из Вены в имение Пироговых мы сделали менее, чем в двое суток» [12, с. 160].

Таким образом, 4 (16) июня того же года Н.И. и А.А.Пироговы благополучно вернулись в своё имение «Вишня». Трудно сказать, намеревались ли они продолжать общение с видным немецким хирургом, по крайней мере, в ближайшее время после возвращения из Вены.

Вместе с тем, А.А.Пирогова, родственные связи которой простирались до Москвы и Санкт-Петербурга, не преминула поделиться своей радостью по поводу «счастливого избавления» Николая Ивановича от тяжёлой болезни, возможность которой была категорически отвергнута авторитетным заявлением Т.Бильрота. И эта нечаянная радость Александры Антоновны только «подлила масла» в огонь костра возмущения и обиды, разгоравшегося в окружении нескольких русских врачей⁷, принимавших участие во врачебном консилиуме по поводу болезни «первого хирурга России» (24–26 мая 1881 г. по старому стилю) и единодушно рекомендовавших проведение срочного оперативного вмешательства.

Узнав о таком заявлении видного немецкого хирурга, к нему немедленно обратился с письмом профессор Императорского Московского университета Н.В.Склифосовский, пожелавший получить от своего коллеги «подробный отчёт» о причинах отказа от выполнения Н.И.Пирогову радикальной хирургической операции.

Своеобразным отголоском этих событий становится и другое письменное обращение к Т.Бильроту, автором которого стал давний почитатель и ученик Н.И.Пирогова — А.Л.Обермиллер — лейб-медик, заместитель управляющего придворной медицинской частью. Он обращался к знаменитому венскому хирургу не столько от своего имени, сколько по поручению великой княгини Александры Иосифовны, жены великого князя Константина Николаевича, брата российского Императора Александра II. Это был высочайший уровень запроса о состоянии здоровья «первого хирурга России», который нельзя было оставить без чёткого и аргументированного ответа. К тому же, это письмо А.Л.Обермиллера сопровождалось приложением в виде письма А.А.Пироговой, адресованного, скорее всего, великой княгине Александре Иосифовне, с просьбой воспрепятствовать распространению разных слухов о состоянии здоровья Н.И.Пирогова, которые стали появляться в венских газетах со ссылками на мнение Т.Бильрота.

Письма Н.В.Склифосовского и А.Л.Обермиллера (вместе с письмом А.А.Пироговой) были получены Т.Бильротом во второй половине июня 1881 г. (по новому стилю), и венский хирург безотлагательно ответил каждому из русских хирургов. Кроме того, письмо А.А.Пироговой, приложенное А.Л.Обермиллером к собственному запросу, обязывало венского хирурга к возобновлению общения с семьей Пироговых, в том числе и для того, чтобы располагать сведениями о дальнейшем состоянии здоровья Николая Ивановича. Поэтому он первым написал письмо А.А.Пироговой, где сообщил о своих пожеланиях.

⁷ Имеются в виду профессора Э.К.Валь, В.Ф.Грубе, Н.В.Склифосовский и Э.Э.Эйхвальд.

Т.Бильрот (1829–1894)

Письмо второе. Т.Бильрот (15 июня по старому стилю или 27 июня по новому стилю) — А.А.Пироговой.

«Вена, 27 июня 1881

Ваше превосходительство!

Глубокоуважаемая госпожа!

Вложенное письмо⁸ я получил сегодня вместе с посланием господина д-ра Обермюллера⁹, который по поручению Её Императорского Высочества Великой княгини Александры Иосифовны справлялся о состоянии здоровья Вашего супруга.

Я надеюсь, что мой глубокочтимый друг и коллега Пирогов чувствует себя хорошо. Профессор Склифосовский также пожелал получить от меня подробный отчёт, который я ему и послал.

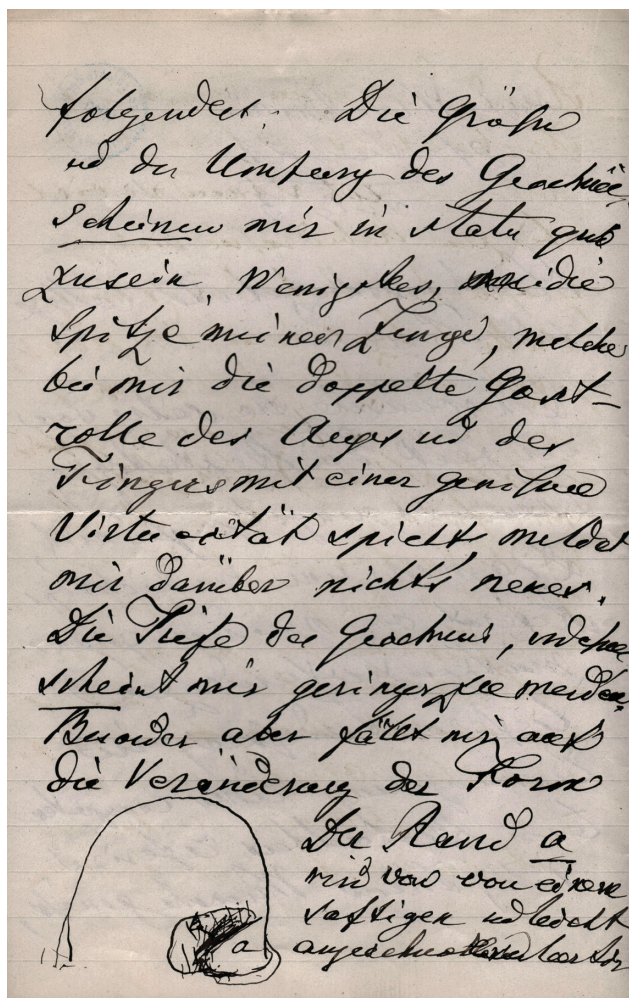
Я насколько смог воспрепятствовал тому, чтобы сегодняшние газеты подняли крик о болезни Пирогова, я надеюсь, что он с этим согласится, так как я нахожу неприятным, когда о враче говорится и пишется, как о больном. Обучающиеся здесь русские врачи¹⁰ очень хотели бы его здесь поприветствовать, но о пребывании Пирогова они узнали только тогда, когда он уже уехал.

Вы меня очень обрадуете, милостивая государыня, если сможете представить отчёт о состоянии Вашего дорого-

⁸ По всей вероятности, речь идет о получении Т.Бильротом письма А.А.Пироговой, так как в ином случае не было бы смысла сообщать ей об этом.

⁹ Так указано в копии письма.

¹⁰ Имелись в виду наши соотечественники, учившиеся на медицинском факультете Венского университета.

Фрагмент письма Н.И.Пирогова, адресованного Т.Бильроту, с собственноручным рисунком опухоли верхней челюсти. Музей истории медицины (Вена, Австрия)

го супруга, а также пожелаете прислать мне обещанную фотографию.

С сердечным приветом
Ваш Т.Бильрот» [2].

Письмо третье. Н.И.Пирогов (21 июня по старому стилю или 3 июля по новому стилю) — Т.Бильроту (ответ на письмо Т.Бильрота от 27 июня по новому стилю).

«Имение Вишня

81. Июнь 21 / июль 3

Глубокоуважаемый единомышленник, коллега и друг!

Я очень хотел бы подробно осведомить Вас о моём состоянии с момента установления Вашего столь благоприятного для меня диагноза и о нынешнем моём положении. Однако за отсутствием компетентного наблюдателя сообщаю, согласно Вашему желанию, следующее. Площадь и объём опухоли, как мне кажется [подчеркнуто Пироговым. — Ю.Ш.], сохраняют своё *statu quo*. По крайней мере, кончик моего языка, исполняющий достаточно виртуозно двойную роль и глаза, и пальца, не сообщает мне об этом ничего нового. Мне даже кажется [подчеркнуто Пироговым. — Ю.Ш.], что глубина язвы уменьшается. Однако я замечаю отчётливое изменение формы.

Край а [подчеркнуто Пироговым. — Ю.Ш.] образован сочным и несколько отёчным краем того самого ужасного отростка, о котором я Вам так много — наверное, до тошноты — говорил [в левом нижнем углу второго листа письма приводится рисунок собственной злокачественной опухоли, сделанный Пироговым, по которому можно судить о её местоположении. — Ю.Ш.].

Чёрный участок b [подчеркнуто Пироговым. — Ю.Ш.] соответствует на сегодняшний день самой глубокой части выемки в опухоли (это и самое чувствительное место). Как и прежде, на верхнем краю отростка я ощущаю твердый и довольно подвижный остеофит. Состояние всей опухоли постоянно меняется, иногда она мне представляется более массивной и с углубившейся впадиной, а порою — уплощенной, с поверхностным изъязвлением. В такой же степени изменчивость и чувствительность. Нервическая зубная боль вообще случается редко, и только от касания языком определённых участков опухоли.

Стоило покрыть опухоль промокательной бумагой, она сразу же почти перестала меня беспокоить. Ах, если бы я только смог найти подходящий материал для замены моей жалкой промокашки, то я, как мне кажется, — мог бы ожидать исхода совершенно спокойно. Между тем, кончик моего языка теперь уже произвольно продолжает оставаться при исполнении своей новой роли. И в этой связи не всегда он мне докладывает одно и то же, и я то благословляю Ваш пронизательный диагноз, то вдруг он начинает мне казаться — не обижайтесь на меня — чересчур опрометчивым и оптимистичным. *Judicium difficile, experiential fallax*¹¹, — полагаю я.

Если даже суждено случиться худшему, я и тогда буду благодарен судьбе — точнее, Божьему провидению — за счастливую возможность приблизиться к Вам и последовать Вашему совету. Зрелость хирургов я измеряю количеством экстирпаций злокачественных *After producte* (к которым я отношу также эпителиому).

Общее состояние моего здоровья довольно хорошее. Все эти дни я по 2 часа езжу верхом, выпиваю стакан мозельвейна и стакан английского порвейна. Я ем много клубники, простокваши, и всё это вызывает стул. Поразительно, но мой пожизненный энтероколит в последнее время причиняет мне в целом не много страданий. Стул стал регулярнее, колики в животе — реже. Через несколько недель я хочу попробовать брать ванны на лимане в Одессе. *Videbimus!*¹²

Это всё, высокоуважаемый дорогой друг, что я хотел бы Вам сообщить. Я посылаю Вам, в соответствии с Вашим желанием, также мой портрет на память. Будьте здоровы и не забывайте Вашего верного последователя.

Н. Пирогов» [9, с. 17–18].

По всей видимости, к этому письму Н.И.Пирогова прилагалось письмо и А.А.Пироговой, сообщавшей венскому хирургу собственные наблюдения о состоянии здоровья Николая Ивановича (оно не сохранилось). Можно предполагать, что фотографический портрет «первого хирурга России», о котором сообщалось в письме от 21 июня (3 июля), был отправлен в Вену другим способом (его размеры существенно отличались от письменного формата), отдельно от писем четырех Пироговых. Отсюда он был получен Т.Бильротом позднее самих писем, и это обстоятельство нашло отражение

¹¹ Суждение затруднительно, опыт обманчив (лат.) — фрагмент первого афоризма, принадлежавшего, по всей видимости, Гиппократу: «Жизнь коротка, путь искусства долог, удобный случай скоропреходящ, опыт обманчив, суждение затруднительно...».

¹² Посмотрим! (лат.).

в ответном письме венского хирурга, сожалеющего по поводу отсутствия пироговского портрета.

Письмо четвертое. Т. Бильрот (29 июня по старому стилю или 10 июля по новому стилю) — Н. И. Пирогову (ответ на письмо Н. И. Пирогова от 21 июня/3 июля).

«Вена, 10 июля 1881

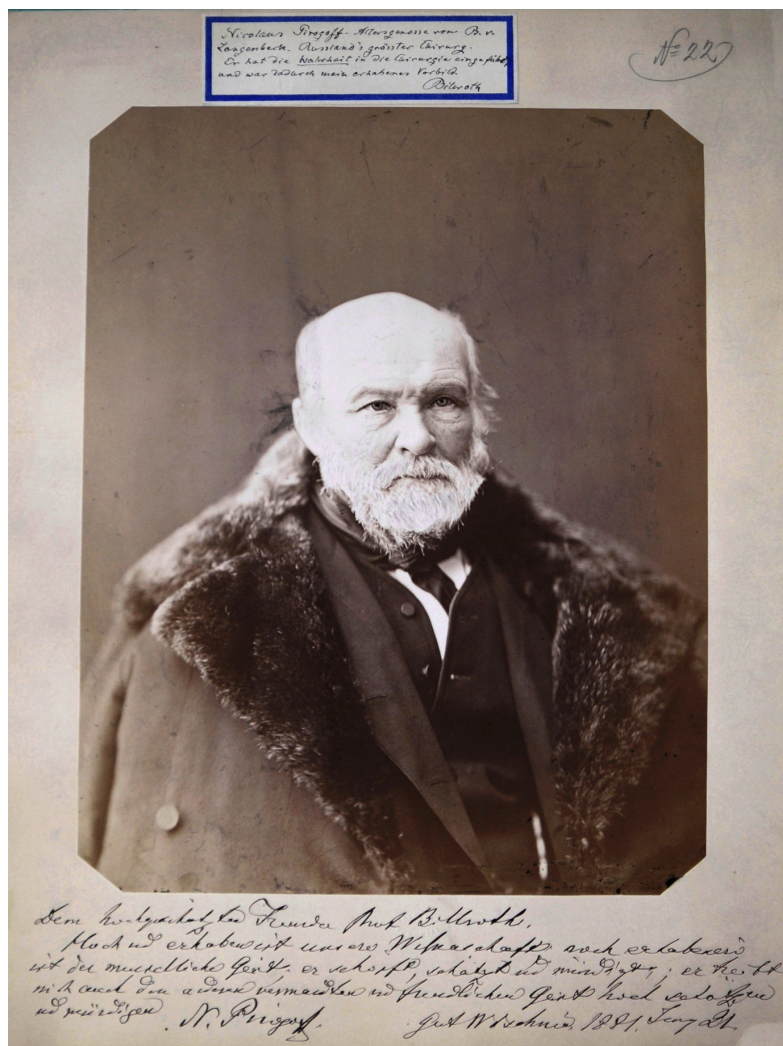
Глубокоуважаемый коллега и друг!

Из Вашего письма от 3 июля и письма Вашей дорогой жены я сделал вывод, что в целом дела Ваши идут хорошо. Даже если выздоровление не наступило, тем не менее, в стабильности процесса я вижу подтверждение моего диагноза; так как, несмотря на всё остальное, совершенно очевидно, что эпителиома могла бы принять более стремительное течение, а также причинить Вам намного больше боли. То, что периостит зубного корня дал толчок к инфильтрации десны и альвеолы, кажется мне не подлежащим сомнению. Почему во многих случаях подобное раздражение порождает воспалительный процесс, скорее хронического характера, который длится на некоторое время дольше, чем воздействие самого раздражителя, очень часто является для нашего знания загадкой. Ваша десна находится в подобном состоянии, что и вены голени при варикозе. Небольшие повреждения этой области ведут к долговременным язвам, лечение которых без абсолютного покоя очень часто доставляет нам так много хлопот и неприятностей. Если бы существовало средство для применения во рту в виде мягкой непрерывной компрессии, то было бы, безусловно, намного легче осуществлять лечение. Вы сделали совершенно правильно, что обходитесь с этим местом так, чтобы его ничто не раздражало. Я, к сожалению, не знаю средства, способного заменить промокательную бумагу. Возможно, что скоро она уже не понадобится. Из средств, которые мы обычно используем, чтобы ускорить эпителизацию таких повреждений, можно было бы попробовать только совсем слабый раствор нитрата серебра (1 процент) или сульфата цинка (2 процента) в виде смазывания 1–2 раза в день. Кроме того, стоило бы попробовать одноразовое смазывание языка Balsatum Peruvaeum. Впрочем, по Вашему описанию повреждённое место несколько уменьшилось, а также уменьшились и боли нервного характера, последнее должно указывать на то, что открытый нерв будет покрыт посредством уплотнения ткани. Итог: постепенно состояние улучшится, так же как до этого оно постепенно ухудшалось.

Так как в сентябре меня не будет в Вене, Вы бы меня очень обрадовали, если бы в середине августа снова пожелали известить меня о Вашем состоянии.

Ни в Вашем письме, ни в письме Вашей жены я не нашел любезно обещанной мне фотографии, я прошу не забыть о ней. Я надеюсь, что мой Contrefei (?) [неразборчиво. — Ю. Ш.] Вы получили.

С самым дружеским приветом
Ваш преданный
Д-р Т. Бильрот» [3].

Фотографический портрет Н. И. Пирогова работы К. Шапиро (1881), подаренный Т. Бильроту в июле того же года. Музей истории медицины (Вена, Австрия)

Можно быть уверенным, что в скором времени после того, как это письмо было отправлено Н. И. Пирогову, Т. Бильрот получил долгожданный фотографический портрет «первого хирурга России», дарственная надпись на котором датировалась тем же 21 июня (3 июля), что и уже известные письма Пироговых: «Благородна наша наука, но в ещё большей степени благороден наш дух, — написал Н. И. Пирогов под портретом, подаренным венскому хирургу. — Он творит, ценит и задаёт мерилу оценки. Таким же образом он предоставляет мне возможность, сравнивая, дать высочайшую оценку другому родственному пылливому уму и при этом столь же высоко дорожить им» [8, с. 15].

По всей вероятности, это было последнее послание Н. И. Пирогова, адресованное Т. Бильроту. Николай Иванович, как и намеревался, вскоре уехал из своего имения «Вишня» в Одессу, чтобы принимать грязевые и минеральные ванны на местном лимане, который называли русским «Баден-Баденом». Такие процедуры много лет поддерживали его силы; он надеялся, что так случится и на этот раз.

Но чудо, на которое всегда остаётся надежда, не произошло. Пребывание на грязевом и климатическом курорте

Н.И.Пирогов на смертном одре (декабрь 1881 г.). Музей истории медицины (Вена, Австрия)

было противопоказано больному Пирогову, но не нашлось врача, сумевшего предупредить его об этом. Месяц, проведённый здесь, настолько истощил его жизненные силы, что он вновь обратился к размышлениям о спасительной хирургической операции. Это не осталось без внимания заботливой супруги, и она единолично обратилась вновь к венскому хирургу Т.Бильроту, чтобы получить очередной совет. Однако же это письмо А.А.Пироговой, написанное, по всей видимости, во второй половине июля 1881 г., не сохранилось, и о его содержании можно судить теперь лишь по лаконичному ответу венского хирурга.

Письмо пятое. Т.Бильрот (3 августа по старому стилю или 15 августа по новому стилю) — А.А.Пироговой (ответ на письмо А.А.Пироговой, отправленное с одесского лимана).

«Вена, 15 августа 1881

Ваше превосходительство!

Глубокоуважаемая госпожа!

Я надеюсь, что Ваше озорчение по поводу состояния Вашего дорогого мужа не имеет основания; если состояние язвы существенно не изменилось, то я не могу отказаться от своего прежнего диагноза, и всё ещё надеюсь на улучшение. От операции я бы ожидал сейчас также мало успеха, как и во время пребывания Вашего мужа в Вене.

Ваш преданный

Д-р Т.Бильрот» [4].

В последние месяцы земной жизни (сентябрь—ноябрь 1881 г.) Н.И.Пирогов уже не испытывал нужды во врачебных консультациях по поводу его неизлечимой болезни. Считается, что он самостоятельно пришёл к неутешительному выводу о злокачественном характере опухоли верхней челюсти, причинявшей ему тяжкие страдания. Свидетельством тому может служить его предсмертная записка, написанная 27 октября (7 ноября) 1881 года: «Ни Склифасовский, Валь и Грубе, ни Бильрот не узнали у меня *ulcus oris ten. tunc. cancerosum serpiginosum*. Иначе первые три не посоветовали бы операции, а второй не признал бы болезнь за доброкачественную», — можно прочитать здесь [11, с. 11].

Именно с этого времени Н.И.Пирогов стал предчувствовать близость кончины, что подтверждала А.А.Пирогова: «В конце октября он почувствовал приближение смерти, — сообщала Александра Антоновна, — и, верный своему всегдашнему религиозному настроению, исповедался и приобщился Святых Тайн» [10].

Когда Н.И.Пирогова не стало¹³, А.А.Пирогова в последний раз [Письмо шестое. А.А.Пирогова (предположительно, декабрь 1881 г.) — Т.Бильроту] обратилась с письмом к венскому хирургу Т.Бильроту (это письмо не сохранилось в современном архиве Т.Бильрота).

Вряд ли последнее письмо могло быть многословным. Главную роль здесь сыграла не обстоятельство или пыш-

¹³ Земные дни Н.И.Пирогова окончились 23 ноября (4 декабря) 1881 г.

ность слога, а посмертная фотография «первого хирурга России», известная под названием «Н. И. Пирогов на смертном одре». На ней и сегодня можно видеть сохранившийся автограф А. А. Пироговой¹⁴, свидетельствующий об авторе такого письма.

Это была совсем не та фотография, которую хотел получить и которой мог бы гордиться выдающийся венский хирург. Заострившиеся черты знакомого облика Н. И. Пирогова выдавали крайнюю степень истощения, неизбежное следствие той тяжёлой болезни, которая сократила его земные дни. Теперь её диагноз ни у кого не вызывал сомнений. Злокачественное новообразование верхней челюсти, о котором в своё время Т. Бильрот (из соображений гуманности) не сообщил ни тяжелобольному Пирогову, ни его ближайшему окружению, стало причиной преждевременной смерти Пирогова. Поэтому венскому хирургу было труднее других смотреть на посмертную фотографию «первого хирурга России».

Глядя на неё, Т. Бильрот невольно вспоминал о недавней встрече с больным русским хирургом. Тогда пришлось отрицать очевидный факт, убеждая Пирогова, что его болезнь не представляет никакой опасности. Это была «святая ложь», неправда во имя кратковременного спасения от тяжёлой болезни. Она действительно послужила опорой Пирогову на некоторое время, когда он вновь стал радоваться жизни и реже вспоминать о скорой и, возможно, мученической кончине. Временная передышка была непродолжительной. Последние месяцы жизни проходили в страданиях, в непрерывной борьбе то с голодом, то с болью, когда утоление одного чувства тут же приводило к обострению другого. Это был тяжелейший исход; освобождение от мук сулила только смерть.

Посмертная фотография Н. И. Пирогова, посланная Т. Бильроту его женой, была своеобразным проявлением женского укора, обращенного к выдающемуся врачу, скрывавшему смертельную опасность и от больного, и от ближайшего окружения русского хирурга. Одним из свидетельств тому служит надпись, сделанная А. А. Пироговой под этой печальной фотографией: «Помните о Вашем друге Н. Пирогове, ушедшем из жизни 23 ноября 1881 [года. — Ю. Ш.]. С уважением, А. Пирогова», — можно прочитать здесь.

Это пожелание, адресованное Т. Бильроту вдовой русского хирурга, написано ею, как очевидцем врачебной консультации, после которой венский хирург не только вселил надежду во многие сердца, надежду на скорое выздоровление тяжелобольного Н. И. Пирогова, но и поддерживал её в течение продолжительного времени.

В нашем распоряжении нет сведений об ответе венского хирурга Т. Бильрота на это последнее письмо А. А. Пироговой. Можно предполагать, что переписка между ними больше не возобновлялась.

Какие уроки преподносит сегодня историческая переписка семьи Н. И. и А. А. Пироговых с выдающимся венским хирургом Т. Бильротом?

Урок первый (библейский): не делай другому того, чего не хочешь, чтобы было сделано тебе. Именно к такому выводу пришел Т. Бильрот в начале 1882 г., когда ему пришлось публично отвечать на письма русских хирургов по поводу его отказа от проведения радикальной хирургической операции Н. И. Пирогову.

«Теперь [выделено нами. — Ю. Ш.] при показании к операции я всегда ставлю себе вопрос: допущу ли я сделать

операцию на себе, которую хочу сделать на больном?» [5], это можно прочесть в письме Т. Бильрота от 8 (20) февраля того же года, опубликованного в русской врачебной печати (1882).

Урок второй (этический): уважай права пациента. «Пациент имеет право на исчерпывающую информацию о состоянии своего здоровья... В случае неблагоприятного прогноза для больного необходимо проинформировать его предельно деликатно и осторожно, оставив надежду на продление жизни, на возможный благоприятный исход» (об этом свидетельствуют Кодексы врачебной этики многих европейских стран, в том числе и принятый в Российской Федерации).

Урок третий (исторический). История развивается по спирали; и многое повторяется на новой, более высокой ступени развития. Всё уже было на грешной земле. История медицины началась задолго до получения нами врачебных дипломов, но мы продолжаем наступать на одни и те же грабли. Она для того и существует, чтобы, изучая опыт предшественников, избегать на практике собственных ошибок.

Авторы выражают признательность за помощь нашим австрийским коллегам:

— Prof. Dr. Manfred Scopec, Dr. Ruth Koblizek, Mag. phil. Monika Grass (Josephinum);

— Univ.-Prof. Dr. Karl-Heinz Tragl, Mag. Manfred Gschwandtner (Billrothhaus);

— Prof. Dr. Paul Aiginger (Rudolfinerhaus).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бильрот Т. Копия письма Н. И. Пирогову от 6 (18) декабря 1879 г. Фундаментальная библиотека Военно-медицинской академии. Санкт-Петербург. 1 л.
2. Бильрот Т. Копия письма А. А. Пироговой от 15 (27) июня 1881 г. Фундаментальная библиотека Военно-медицинской академии. Санкт-Петербург. 1 л.
3. Бильрот Т. Копия письма Н. И. Пирогову от 29 июня (10 июля) 1881 г. Фундаментальная библиотека Военно-медицинской академии. Санкт-Петербург. 2 л.
4. Бильрот Т. Копия письма А. А. Пироговой от 3 (15) августа 1881 г. Фундаментальная библиотека Военно-медицинской академии. Санкт-Петербург. 1 л.
5. Бильрот Т. 15. Письмо Д. И. Выводцеву о болезни Н. И. Пирогова // Врач. 1882. № 9. С. 146.
6. Брежнев А. Пирогов. М.: Молодая гвардия, 1990. С. 464–469.
7. Геселевич А. М. Летопись жизни Н. И. Пирогова. М.: Медицина, 1976. 100 с.
8. Теличкин И. А. История двух портретов // Асклепий (историко-медицинский журн.). 2007. Т. 10, № 1. С. 11–19.
9. Теличкин И. А. Николай Иванович Пирогов (страницы биографии, прочитанные заново) // Асклепий (историко-медицинский журн.). 2007. Т. 10, № 2. С. 11–20.
10. Фрагасси В. Пирогов и Бильрот // Нива (ежемесячное литературное приложение к журналу). 1898. № 2. С. 353–354.
11. Шевченко Ю. Л., Козовенко М. Н. Музей Н. И. Пирогова (прошлое без настоящего... но с верой в будущее). СПб.: Наука, 2005. С. 79, 170, 229.
12. Шкляревский С. С. История болезни Н. И. Пирогова // Врач. 1882. № 10. С. 158–162.
13. Fischer G. Briefe von Teodor Billroth. Achte veränderte Auflage. Hannover und Leipzig, 1910. S. 222–223.
14. Fischer I. Teodor Billroth und seine Zeitgenossen. Urban und Schwarzenberg. Berlin-Wien, 1929. S. 64–65.
15. Glaser H. Pirogow und seine Zeit // Wien. med. Wshlr. 1960. № 47. S. 956–961.

Поступила в редакцию 19.06.2013 г.

¹⁴ В виде А. Pirogoff.